
КАК СОЗДАВАЛСЯ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФОНД

Начавший свою деятельность осенью 1859 г. Литературный фонд оказался одной из редких общественных организаций России, уцелевших во всех исторических перипетиях. Хотя с годами он трансформировался, а в 1922–1933 гг. и вовсе бездействовал, до сих пор Фонд существует практически в том главном качестве, в каком и был создан без малого сто пятьдесят лет тому назад, — организации, материально помогающей писателям. О том, как он создавался и начинал свою деятельность, пойдет речь в этой статье¹.

14 ноября 1856 г. писатель и журналист А.В. Дружинин (1824–1864) отметил: «Вчера я, Гончаров, Анненков, Льховский и Кроль² обедали у Кушелева. Говорили о его издании, а я высказал свою мысль о literary fund³. Кто знает, может быть этой мысли еще суждена большая будущность»⁴. Собеседниками молодого писателя и журналиста (Дружинин недавно ушел в отставку с государственной службы и только что стал редактором журнала «Библиотека для чтения») были друзья-литераторы, собиравшиеся в кружке Г.А. Кушелева-Безбородко, приобретшего в эту пору права на издание журнала «Русское слово». На другой день Дружинин, как видно, поделился своей идеей с Л. Толстым: «поехали с Дружининым к Анненкову, — записал Толстой в дневнике 15 ноября 1856 г., — и застали его играющим на органе, поехали к Безобразову. Собрание литераторов и ученых противно и без женщин не выйдет»⁵. Скептическое отношение Толстого, по-видимому, не помешало ему принять деятельное участие в попытке развития идеи Дружинина — 2 января 1857 г. он отметил в дневнике: «с Анненковым к Дружинину и у него написали проект фонда»⁶. Однако, как можно предполагать, этот проект Дружинина не удовлетворил (его текст неизвестен).

Высказанная Дружининым идея была органичным следствием «своеобразного пафоса товарищества, который был характерен для Дружинина, пафоса доброты, участия в судьбе ближнего, готовности всегда помочь ему»⁷. В то же время проявление инициативы писателя на почве общественной благотворительности было и следствием тех новых исторических обстоятельств, влияние которых стало ощущаться в политической жизни России: после смерти в 1855 г. Николая I

и высказанных взошедшим на престол Александром II намерений провести реформы частная инициатива во многих областях российской жизни оказывалась, в отличие от недавних времен, не только возможной, но и поощряемой властями. Впрочем, как нередко бывает, частные проекты осуществляются не быстрее медлительных в России государственных реформ.

После неудачной попытки в начале января совместно с Л. Толстым и Анненковым написать проект Литературного фонда Дружинин на очередном обеде у Кушелева-Безбородко вернулся к разговору об основании Литературного фонда, но, как следует из дневниковой записи писателя от 23 января 1857 г., «сей юноша, одушевленный добрыми намерениями, жертвует в пользу фонда лишь несуществующий доход с несуществующего журнала, а потому вся история на том покуда села»⁸. Очевидно, что речь шла о капитале, необходимом для основания фонда, и этого капитала пока найти не удавалось.

Тогда Дружинин прибег к общественному мнению. В ноябре 1857 г. он опубликовал в своем журнале «Библиотека для чтения» статью, которая была подробным разъяснением необходимости основания и развернутой программой деятельности российского Литературного фонда. «В исходе прошлого 1856 и начале настоящего года, — писал Дружинин, — в петербургских кругах, светских и не светских, литературных и не литературных, много говорилось о необходимости составления в одном из центров русской литературной деятельности, т. е. в Петербурге или Москве, постоянного капитала, доходы с которого, под наблюдением небольшого числа лиц, особенно сочувствующих интересам родной словесности, распределялись бы между писателями, от болезни, старости и других подобных причин нуждающимися в постоянном или временном пособии»⁹.

Дружинин апеллировал к опыту английского литературного фонда, в котором видел фундаментальный образец для российского: «Английский литературный мир гордится своим фондом и имеет право им гордиться. Это учреждение, поощряемое правительством и всеми государственными людьми, кроме целей благотворительных и христианских, имеет еще одно великое значение. Оно служит центром единой деятельности для людей разрозненных убеждениями и интересами, но служащих одному великому делу просвещения, при котором все несогласия забываются <...>. Под его влиянием виг сходится с торием, радикал подает руку президенту верхней палаты, государственный человек выслушивает мнение бедного чердачного поэта и вместе с ним обдумывает, как бы обеспечить участь другого поэта, еще беднейшего»¹⁰.

Вместе с тем, Дружинин сделал акцент на тех отличиях от английского, которые должен иметь российский литературный фонд вследствие, как он их представлял себе, особенностей реальной российской жизни: «Различия между нашим и английским обществом обуславливают собою необходимые различия в самом учреждении. С одной стороны, наше общество не так богато и не так тесно слито с литературными интересами, чтоб от него можно было требовать слишком больших пожертвований на нуждающихся писателей; с другой, наш ученно-литературно-художественный круг менее нуждается в материальных пособиях, нежели тот даже круг в Англии. У нас, благодарение Богу, почти нет литературных пролетариев, даровитых людей, умирающих с голоду, сильных талантов, кончающих жизнь, как Отвай или Севедж¹¹, от нужды и общей холодности <...>. У нас всякий писатель, едва превысивший уровень посредственности, надолго

может считать свой талант хорошим капиталом». Вследствие этого, по мнению Дружинина, «Русский литературный фонд может быть основан в самых скромных размерах, пятью или десятью человеками достаточного состояния, с постоянным пособием всех ученых и литераторов, ныне проживающих в России», и с весьма незначительным капиталом из пожертвований редакций журналов, газет и печатающихся в них литераторов¹².

Насколько Дружинин ошибался, с одной стороны, к сожалению, в масштабах существования в России нуждающихся в помощи «литературных пролетариев», и с другой, к счастью, в «скромных размерах» деятельности задуманного им Литературного фонда, покажет недалекое будущее. Пока же на призыв Дружинина с энтузиазмом откликнулся в декабрьском номере «Современника» Чернышевский, причем, со свойственной ему педантичностью в экономических вопросах и любовью к масштабным проектам, он оптимистически развернул скромные предложения Дружинина по обеспечению капитала будущего Литературного фонда: «нет никакого сомнения в том, что если бы мысль основать литературный фонд была принята, почти не нашлось бы между писателями и журналистами людей, которые уклонились бы от добровольного участия в таком благородном деле, и мы думаем, что их собственное желание доставило бы “Литературному фонду” средства гораздо более значительные, нежели на какие рассчитывает автор, который хочет ограничиться самыми умереннейшими надеждами. Возьмем один только из указываемых им источников — нашу журналистику. Автор говорит, что издатели журналов и газет и писатели, участвующие в периодических изданиях, могут быть приглашены “Литературным фондом” только к таким пожертвованиям, которые были бы для них нимало не обременительны, почти не чувствительны. Уступка “Литературному фонду” издателями по полупроценту с рубля подписной суммы, а писателями по одному проценту с гонорария кажется нам крайним пределом умеренности, кажется пожертвованием совершенно нечувствительным. Между тем, это одно уже доставит несколько тысяч рублей. Общий оборот сумм, пускаемых в оборот подпискою на литературные журналы и газеты (специальных периодических изданий мы не считаем) простирается во всяком случае не менее, как до 600 000 руб., — по всей вероятности, цифра эта значительно больше. Полупроцент с этого количества подписных денег даст 3000 руб. Из 600 000 руб., поступающих в конторы периодических изданий, около одной четвертой части получается писателями, как гонорарий за статьи — один процент с этих 150 000 руб. доставит 1500. Вот уже 4500 р. от одной отрасли литературы. Изданием отдельных книг пускается в оборот сумма, едва ли не меньшая, нежели периодическими изданиями. Если только третья часть издателей и писателей будет участвовать в деле “Литературного фонда”, по примеру издателей и сотрудников периодических изданий, вот еще 1500 руб., — всего 6000 руб. ежегодно от одного только из источников, указываемых автором статьи. <...> Словом сказать, если только учредится “Литературный фонд”, он, без сомнения, будет иметь способы ежегодно помогать не одному десятку деятелей науки и литературы, и мысль о его учреждении, как видим, действительно стоит того, чтобы позаботиться об ее осуществлении»¹³.

Благодаря, в значительной степени, статьям Дружинина и Чернышевского¹⁴ организация Литературного фонда стала приобретать в начале 1858 г. реальные черты — в это предприятие удалось вовлечь более широкий круг участников, и началась работа над уставом.

13 января 1858 г. А.В. Никитенко, который в качестве чиновника по особым поручениям при Министерстве народного просвещения имел огромный опыт по составлению в эту пору многочисленных проектов обновления системы образования, записал в дневнике: «Вечером был приглашен на совещание по устройству “Общества литературного фонда для пособия нуждающимся литераторам и ученым и их семействам”. Собрание наше состояло из Краевского, Кавелина, Галахова, Дружинина, Анненкова, Дудышкина и меня. Мне поручили написать проект устава»¹⁵. К 31 января проект был готов¹⁶ и 20 февраля прочитан и обсужден на квартире известного издателя А. Краевского: «Предложено несколько изменений»¹⁷. Но, как видно из дальнейшего, работа над совершенствованием проекта устава Литературного фонда затянулась еще на целый год.

Летом 1858 г. Дружинин решил привлечь к участию в проекте своего приятеля И. Тургенева. В письме к нему от 10 августа он сообщал: «Вы, вероятно, знаете, что в прошлую зиму у нас завязалось дело о литературном фонде. Всюду встречено оно было так как следует, но проволочки разных особ, моя болезнь, ранний отъезд других, побудили нас отложить дело до осени. Совещания наши (тут были Кавелин, Галахов, Гончаров, Пав[ел] Вас[ильевич] (Анненков. — В.С.), Заблочкий, Никитенко и Андрей (Краевский. — В.С.) тянулись медленно, но, впрочем, всему делу сделана была нужная огласка, и оно стоит на очереди. Полезно поддерживать интерес к нему публики. На днях читал я где-то, что Вы, в бытность свою в Лондоне, присутствовали на обеде учредителей literary fund. Поверите ли Вы, что я несмотря на все мои старания, не мог собрать даже поверхностных сведений об этом учреждении. Из газетных сведений, очень отрывочных, ничего понять не удается. Кто его устроил? На каком основании? Что в нем стоит заимствования? Отчего Диккенс там все ссорится и как-то гадит? Вам, вероятно, оно известнее моего, и сверх того вы можете отписать в Лондон и поручить кому-нибудь собрать эти сведения. Но это еще не все: чтобы сведения читались и достигали своей цели, нужно изложение. Тут-то и самая моя просьба. Не возьметесь ли Вы, в свободный вечер, отписать (в виде частного письма, путевой заметки и т. п.) обед, на котором Вы были, украсив всю историю обычными в этих случаях украшениями, портретами знаменитых лиц, около которых Вы находились и, наконец, некоторыми, хотя бы неполными сведениями о самом учреждении фонда? Даже мне кажется, что чем *литературнее* статья выйдет, тем лучше. Прошу Вас об этом не ради журнала и сотрудничества (если хотите, то помещайте статью в каком угодно журнале), но для всего дела, которое стоит заботы. Мне помнится, что в прошлый год Вас интересовала мысль о *нашем* литературном фонде. Теперь она начинает осуществляться, и толчок со стороны такого лица, как Вы, еще более подготовит публику к знакомству с вопросом»¹⁸.

25 августа Тургенев отвечал из Спасского-Лутовинова: «Я рад содействовать успеху такого доброго дела, каково основание *Фонда* у нас, — и мне еще приятнее было бы, если б Фонд этот основался дружным и бескорыстным участием литераторов, а не по милости какого-нибудь капризного мецената. К тому же наши меценаты большей частью скупы, как жида»¹⁹. 30 октября Тургенев написал статью «Обед в Обществе английского Литературного фонда. (Письмо к автору статьи о “Литературном фонде”)» и в первом номере «Библиотеки для чтения» за 1859 г. Дружинин ее опубликовал²⁰.

Помимо колоритных характеристик атмосферы обеда и личностей, присутствовавших на нем, Тургенев сообщил сведения, которые должны были быть практически полезны устроителям российского Литературного фонда: «Поддерживает он (английский литературный фонд. — В.С.) процентами с своего капитала и добровольными приношениями и пожертвованиями любителей литературы, во главе которых стоит королева. Многие из этих пожертвований вносятся ежегодно в виде постоянной ренты»²¹.

Очевидно, что в начале 1859 г. Дружинин решил во что бы то ни стало реализовать свой проект, который уже третий год он безуспешно пытался осуществить. Вероятно, в январе или в самом начале февраля он торопит А.В. Никитенко доработать устав, имея в виду познакомить с ним и приобщить к делу москвичей: «М[илоственный] г[осударь] Александр Васильевич! Сегодня утром заходил ко мне А.Д. Галахов и известил, что Анненков на этих днях едет в Москву и принимает на себя иметь совещание с московскими литераторами. Для этого ему необходимо иметь при себе хотя бы неполный проект постановления за подписью главных петербургских участников. Имея в виду это важное обстоятельство, мы решаемся посягнуть на дорогое время Ваше и покорнейше просить Вас об уведомлении, не найдете ли Вы возможным ускорить изготовление проекта, хотя бы в кратком виде. В случае, если занятия не позволяют Вам этого сделать на днях же, то не можем ли мы трое, собравшись в один из вечеров и не теряя времени, составить хотя очерк проекта для Анненкова и, переписав его в то же собрание, передать по принадлежности, к подписи?»²² Вероятно, Никитенко так или иначе доработал проект устава²³.

9 февраля 1859 г. состоялся обед у Тургенева, на котором, помимо хозяина, присутствовали: К.Д. Кавелин, П.В. Анненков, Н.Г. Чернышевский, А.В. Никитенко, А.А. Краевский, С.С. Дудышкин, А.Д. Галахов, А.П. Заблоцкий-Десятовский, Егор П. Ковалевский и А.В. Дружинин. В этот день Никитенко записал в своем дневнике: «Обед у Тургенева по случаю проекта о “Фонде” или “Обществе для пособия бедным литераторам и их семействам”. Как обыкновенно, все наши проекты общественные должны быть спрыснуты шампанским. Я мало верю в русские ассоциации, однако же я писал и проект устава общества пособия, к которому первую мысль подал Дружинин, заимствовав ее в английских журналах, так как он занимается английскою литературою. Все мы сегодня подписали наш проект и просьбу на имя министра народного просвещения. Егор Петрович Ковалевский, брат министра, взялся представить их ему»²⁴.

Общество получило, наконец, определенное наименование: «Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым», но в повседневном обиходе называлось Литературным фондом, а в дальнейшем это последнее наименование навсегда закрепилось за ним, в особенности потому, что круг его подопечных был ограничен только писателями. Что же представлял собой устав этого Общества?

В уставе определялись цели: «Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым имеет целию: вспомоществовать нуждающимся осиротевшим семействам литераторов и ученых и самим литераторам и ученым, которые по преклонности лет или по каким-либо другим обстоятельствам находятся в невозможности содержать себя собственными трудами»²⁵. Средства, из которых должны были оказываться пособия, составлялись: «1) из ежегодных и едино-

временных взносов членов Общества; 2) из пожертвований вообще ревнителями просвещения. Сверх сего, Общество для усиления своих денежных средств может открывать публичные чтения, устраивать спектакли, концерты, предпринимать издания литературных и ученых трудов и т. п.». Устанавливался размер членских взносов: «Ежегодные взносы членов Общества могут быть в 10 р., 25 р., 50 р., 100 р., 300 р., 400 р., 500 р., и выше. Каждому из членов при вступлении его в Общество предоставляется самому избрать один из означенных размеров для ежегодных взносов. Впрочем, ежегодный взнос может быть заменен единовременным, равняющимся десятилетней сложности взносов избранного членом размера». Наконец, важнейший пункт устава, на котором особенно настаивал Дружинин, гласил: «Пособия производятся соразмерно с нуждами лиц, но всегда в такой мере, чтобы оные действительно достигали своей цели, т. е. выводили нуждающихся из крайности, облегчали их положение. В этом случае Общество руководствуется правилом, что лучше меньшему числу лиц оказать достаточное пособие, чем многим, но без удовлетворительных результатов»²⁶.

В феврале 1859 г. проект устава был передан министру народного просвещения Евграфу Петровичу Ковалевскому, а 7 августа, после соответствующего обсуждения министерством, был подписан Александром II. В процессе обсуждения начальство внесло в проект лишь два изменения. При рассмотрении в первой инстанции — Главном управлении училищ — было отвергнуто предложение предоставить иногородним членам Общества право бесплатной пересылки корреспонденции (так учредители намеревались сэкономить средства); а следующая инстанция — Комитет министров — потребовал в ежегодном отчете министерству (Общество было подотчетно Министерству народного просвещения) предоставлять подробные сведения обо всех лицах, которым будут назначены пособия. Учредители считали, что, щадя самолюбие просителей, их имена не должны предаваться огласке; в конце концов, в опубликованных в печати отчетах Общества имена просителей не назывались, но начальству сообщались обязательно.

Осень 1859 г. была посвящена формированию первоначального состава участников нового Общества. Этот вопрос оказался самым острым и болезненным, потому что, как предполагалось, от мнения членов Общества будет зависеть решение о праве будущих просителей на пособие. 10 октября 1859 г. Галахов писал в Москву Анненкову: «Любезнейший Павел Васильевич, что это вы застряли в Москве? Приезжайте, пожалуйста. Вы крайне нужны. Ваш голос будет противодействием темной силе, которая, может быть, явится на совещание о том, кого принять и кого не принимать в начальный состав Общества для вспоможения бедным литераторам»²⁷. Об атмосфере подобных совещаний несколько позже Дружинин извещал Льва Толстого: «Общество фонда сильно нас занимает и, помимо своего полезного значения, служит нам центром соединения. Из Комитета всегда уезжаешь с приятным чувством. Ковалевский кричит, Чернышевский попискивает, Анненков пускает сладостного туману, Тургенев блаженствует как рыба в воде и сам Андрей (Краевский) хотя предлагает в члены отъявленных стервецов, но с бурчанием своим прекрасен, и я опять его друг»²⁸.

Кого имел в виду Дружинин под наименованием «стервецов», становится ясно из обширного письма от 14 февраля 1860 г. Галахова к М.Н. Каткову, который, как и иные москвичи, ревниво относился к петербургскому начинанию

и даже сторонился его²⁹. «Разберите действия Комитета: которые из них достойны Вашего укора? По крайней мере до сих пор помогали мы тем лицам, которым и Вы, без сомнения, оказали бы помощь или ради заслуг их, или ради бедного положения их семейств <...>. В одобрении или неодобрении лиц, предлагаемых в члены, Комитет следует строгой разборчивости, основанной на оценке нравственной их <...> согласно этому мы забраковали Кукольника, В. Зотова³⁰, Атрешкова³¹ и Мельникова (Печерского). Если Корф вошел в Общество, то он вошел по особым соображениям, как лицо, которое могло и вредить, и быть полезным Обществу (разумею предполагавшееся назначение его председателем Цензурного комитета, имевшим силу и разрешать, и запрещать чтение статей на литературных чтениях). Если Писаревский³² — этот мазурик и жулик вместе — попал в члены, то в этом виноваты ни я, ни Кавелин, вооружившиеся против этой кандидатуры; виноваты в этом неразборчивость Краевского, предлагающего всякую дрянь; индифферентизм Дружинина, смотрящего на все с эпикурейской точки зрения, доброта Тургенева и уклончивость Анненкова»³³.

Отражение той же полемики внутри членов Комитета Общества находим в дневнике Никитенко (запись от 3 марта 1860 г.): «Вчера вечером заседание в Комитете Общества для пособия нуждающимся литераторам. Спор с Кавелиным о способе выбора в члены. Я отвергал право Комитета входить в разбирательство поведения и нравственности кандидата, что превращает их в какую-то цензуру *погиб*³⁴. Кавелин защищал противное. Я требовал безмолвной подачи голосов. Наконец, согласились, что в случае сомнений отлагать баллотировку на следующее заседание. Так как мое мнение было таким образом принято, то я уже не читал заготовленной мною записки из чувства деликатности, может быть и излишнего. Кавелин большой либерал: он допускает и проповедует докрасна свободу, с правом беспрекословного повиновения его мнению»³⁵.

Не меньше споров и скептицизма еще до начала практической деятельности Литературного фонда вызвал вопрос о том, каким способом члены Комитета Общества будут определять права будущих соискателей на пособие: высказывались предположения о необходимости экспертизы литературных достоинств трудов претендентов на пособие. Один из характерных примеров такого скептицизма — письмо А.Ф. Фета к А.В. Дружинину (от 24 октября 1859 г.), пытавшемуся привлечь поэта в число членов будущего Общества: «Вчера я получил Ваше письмо по поводу литературно-благотворительного общества, о котором имею лишь сбивчивое понятие со слов Краевского в Москве за обедом. И вот оно:

1-е будут собирать известный процент с трудов, т. е. барышей каждого издателя (но так как большая часть — не издатели, то, вероятно, с приходящейся им платы?) на составление капитала.

2-е из это[го] капитала давать вспомоществование неимущим литераторам. Чего же бы, кажется, лучше! И как не дать 50 к. или даже 1 р. со 100, чтобы помочь таланту и проч. Но кто будет распорядиться этой раздачей? Кто будет проверять правильное употребление капитала, и что значит слово литератор?

Если оно значит поэт, ученый — прекрасно. Если же оно значит отставной фельетонист, то пусть он идет в хожалые или извозчики, ибо я лично только порадоюсь исчезновению с лица литературного подобного насекомого. Вот, например, наш брат и собрат Полонский. Если возможно общими силами помочь ему, то я буду из первых готовым на такое справедливое дело; но если речь идет о компи-

ляторах и фельетонистах прихвостинских, Закурдало-Черново-Пресвитеренко, Розенштерно-Клогенфуте и т. п., то имейте мя отреченна и делайте, что хотите. — Изю всего этого явствует одно: я готов быть в числе подписчиков, но с условием: если будут подписаны NN, XX и проч., то напишите отдельную рубрику: *С правом выступления из общества*. Фет. Если это и без того разумеется, то, разумеется, что и такой рубрики не нужно. А если поступивший есть покорнейший рап по грюп, то такая оговорка есть с моей стороны *conditio sine qua non*³⁶. Я скорее, т. е. в 10 000 000 000 раз скорее, согласен, чтобы на любой площади Петербургской была вывешена доска с надписью Antonino Pio³⁷ и Фете <...>, чем назвать самому себя, как у Гоголя судья, публично телятиной.

Итак, прошу Вас неуклонно поступить согласно сего»³⁸.

Наконец, 8 ноября 1859 г. на квартире министра народного просвещения Евграфа Петровича Ковалевского состоялось первое «учредительное» собрание Общества. По словам Никитенко, на нем присутствовало «человек пятьдесят»³⁹, но, судя по подписанному всеми участниками протоколу заседания, их было 26 человек⁴⁰. Состоялись выборы Комитета (в него вошли все участники обеда 9 февраля 1959 г. у Тургенева — см. выше, — в том числе отсутствовавшие на настоящем заседании Тургенев и Чернышевский), затем из числа членов Комитета выбрали председателем Егора Петровича Ковалевского, помощником — Кавелина, секретарем — Галахова и казначеем — Краевского. Заседания Комитета было решено проводить еженедельно. Так началась регулярная деятельность Литературного фонда.

Кто же оказался в числе первых соискателей благотворительной помощи нового Общества?

8 января 1860 г. Тургенев сообщил «обстоятельства прошлой жизни и настоящее положение Павла Александровича Радищева, сына Александра Николаевича Радищева, известного литератора в царствование Екатерины II. Из этого объяснения видно, что П.А. Радищев имеет от роду с лишком 80 лет и лишен всяких денежных средств к существованию»⁴¹. На основании ходатайства Тургенева сыну Радищева была назначена ежегодная пенсия в 400 рублей⁴². Литературный фонд и в дальнейшем поддерживал семью Радищевых, назначив 15 ноября 1865 г. пособие А.А. Радищевой, дочери А.Н. Радищева, а 16 мая 1866 г. выдал пособие на похороны П. Радищева, умершего в бедности.

28 сентября 1860 г. в Литературный фонд обратился с письмом М.И. Семевский, поддерживавший контакт с амнистированным в 1856 г., но не имевшим средств вернуться из Сибири, сосланным туда декабристом М.А. Бестужевым. Семевский подробно описал бедственное положение Бестужева. Общество назначило ему пособие в 1000 руб. — подобного пособия никому не выдавалось ни до того, ни в последующие годы. На протяжении девяти лет Комитет поддерживал переписку с Семевским, сестрой Бестужева Еленой и самим декабристом, последовательно выдавая ему все эти годы различные пособия⁴³.

Другим декабристом, которому помог Литфонд в самом начале своей благотворительной деятельности, был В.И. Штейнгель. В письме Н. Серно-Соловьевича, прочитанном 23 декабря 1859 г. на заседании Комитета, сообщалось: «В.И. Штейнгель, будучи 77 лет от роду, не имеет ровно никакого состояния, единственное средство к существованию заключается в попечении сына, у которого он и живет, но который сам обременен большим семейством. Положение его заслуживает

величайшего участия, а прежняя деятельность дает особые права на попечение его со стороны нашего Общества»⁴⁴. По правилам Общества, Анненкову было поручено навести справки о положении Штейнгеля, и после удостоверения в его истинном положении 15 января 1860 г. Штейнгелю было назначено пособие.

Своему сокаторщику петрашевцу С.Ф. Дурову, «который живет в Одессе, страдает болезнию в ногах и не имеет средств к безбедному существованию», 28 марта 1860 г. просил оказать пособие Ф.М. Достоевский⁴⁵.

Нельзя не заметить, что все эти пособия, назначавшиеся в первые полгода-год с начала деятельности Литфонда, носили характер дани памяти тем, кто пострадал от репрессий прежних царствований.

Другой круг действий при назначении первых пособий — помощь семьям покойных литераторов и русским писателям предшествовавших десятилетий. Так, 15 января 1860 г. о бедственном положении вдовы Белинского сообщил Комитету Галахов. Многие из членов Комитета являлись друзьями критика и почли своим долгом назначить его вдове пенсию⁴⁶.

В одном из первых заседаний Комитета 18 ноября 1859 г. было предложено выдать пособие В.Д. Яковлеву, поэту, публицисту, записки которого об Италии пользовались большим успехом. В 1855 г. в «Современнике» Чернышевским были сочувственно отрецензированы сочинения Яковлева⁴⁷, с которым критик познакомился еще в 1850 г. как с членом кружка переводчика, критика и педагога И.И. Введенского. К.Д. Кавелин, которому поручено было собрать сведения о положении В.Д. Яковлева, сообщил Комитету 17 декабря 1859 г. о «крайне бедном состоянии литератора Владимира Дмитриевича Яковлева, страдающего тяжкою болезнию и потому лишенного возможности трудами своими содержать семейство, состоящее из жены и трех детей»⁴⁸. Яковлеву было назначено единовременное пособие, а затем и пенсия.

Незадолго до смерти Е.В. Аладына, литератора 1830-х гг., ему также было назначено пособие по инициативе самих членов Комитета, а затем в течение 1860 г. оказывалось пособие его жене. 27 мая 1860 г. к Краевскому обратился с просьбой о пособии И.И. Лажечников, и Общество без всяких предварительных справок выдало его⁴⁹.

Помощь заслуженным писателям прошлых лет и их семьям предполагалась Дружининым еще при создании Литературного фонда. Но другой его прогноз не оправдался. Вспомним слова его статьи 1857 г. об отсутствии в России, в противоположность Англии, бесправного, умирающего от голода писателя. Первые же месяцы деятельности Общества выявили целую армию «литературного пролетариата» (по выражению Н.В. Шелгунова). Уже в начале 1860 г., после общего собрания его членов, состоявшегося 2 февраля, Дружинин в неподписанной статье делился с читателями своими неожиданными впечатлениями: «Много ли у нас в России нуждающихся литераторов и ученых? Вот вопрос, который много раз слышался при разговорах о вновь открывающемся Обществе, — вопрос, на который сами учредители могли отвечать не иначе, как приблизительно. В литературных кругах имелись сведения о двух-трех семействах тружеников просвещения, семействах, находящихся в стесненном положении, — тем и ограничивалось все дело. В свете находились особы, открыто утверждавшие, что бедных литераторов не существует, что нуждающийся ученый есть миф и что литература русская, при ее настоящем развитии, даже с избытком вознаграждает своих представи-

телей. Такие ложные выводы, такое отсутствие данных в деле, по-видимому, до того близком к сердцу просвещенных людей, — всего яснее говорит о том, как необходимо было создание Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. <...> Члены, которым предписано было собирать сведения о положении лиц и семейств, подлежащих вниманию Общества, открыто сообщили, что все, ими виденное, далеко оставило за собой прежние их предположения. Там, где они ждали найти временное стеснение, им встретилась нищета в самых ужасных размерах; где они рассчитывали на случайное столкновение со случайной нуждой, им представилась нужда почти безнадежная, с болезнями, голодом, холодом и отчаянием»⁵⁰.

Со временем эти первоначальные данные, безусловно, подтвердились. В отчете о первом году деятельности Литературного фонда, прочитанном на общем собрании его членов 2 февраля 1861 г., Егор П. Ковалевский сообщил: «Те, которым громкая литературная известность дает возможность более или менее безбедного состояния, не могут себе представить, в каком положении находится их меньшая братия, труженики второстепенных и мелких журналов, и с какими усилиями зарабатывается ими скудная плата. Мы видим между ними нужду потрясающую»⁵¹. Речь шла о многочисленных литераторах-поденщиках, мимо тяжелого материального положения которых Литературный фонд никак не мог пройти равнодушно. Их «нашествие» на будущее Общество как раз предвидел еще Фет в письме к Дружинину.

В итоге за 15 месяцев благотворительной деятельности Литературного фонда (это был его первый отчетный период) было назначено 15 постоянных пособий или пенсий от 100 до 600 руб. в год и 50 единовременных пособий от 25 до 500 руб.⁵² Но эти расходы составили лишь треть суммы доходов Общества за первый отчетный год. Из чего же составились эти доходы?

Как предполагали Дружинин и Чернышевский, доходы Общества складывались из ежегодных взносов его членов⁵³, отчислений редакций журналов с доходов от подписки на периодические издания⁵⁴ и книгоиздателей — от проданных ими книг⁵⁵; пожертвований частных лиц, в числе которых были Александр II, императрица Мария Александровна, великие княгини Елена Павловна и Александра Иосифовна, великие князья Михаил Николаевич и Константин Николаевич⁵⁶. Доходы были столь высоки (даже в сравнении с оптимистическими прогнозами Чернышевского), что Общество имело возможность 21 000 руб. вложить в пятипроцентные билеты Государственного банка⁵⁷.

Одной из существенных статей дохода стали публичные литературные чтения. Литературный фонд впервые ввел не существовавший до тех пор в России жанр взаимоотношений писателей и публики — выступления писателей со сцены с чтением своих произведений. 18 ноября 1859 г. на заседании Комитета Общества «член Комитета Анненков передал ему желание г.г. Писемского, Островского и Тургенева читать публично свои произведения для сбора в пользу Общества. Комитет, принося искреннюю благодарность за это предложение, определил воспользоваться им в ближайшее по возможности время и вместе с тем пригласить других г.г. литераторов и артистов содействовать его успеху своим просвещенным участием»⁵⁸.

Первое литературное чтение состоялось в зале Пассажа 10 января 1860 г. Цена билетов была следующая: ложа — 10 руб., кресло 1 ряда — 5 руб., кресло

2 ряда — 4 руб., кресло 3 ряда — 3 руб., стулья — 1 руб. 50 коп., место в галерее — 1 руб.⁵⁹ Все 629 мест были заняты. В первом литературном чтении участвовали Я. Полонский, А. Майков, И. Тургенев, Н. Некрасов, Б. Маркевич и В. Бенедиктов. Успех был столь ошеломляющий, что за первым последовали подобные чтения 6, 23 и 27 февраля. Литературные чтения имели успех и в Москве: 25 января в зале Практической Академии коммерческих наук состоялось организованное Тургеневым выступление писателей в пользу Литературного фонда. В нем, помимо Тургенева, участвовали Майков и Островский⁶⁰.

Еще одной статьей дохода Литературного фонда стали благотворительные спектакли. Причем самой первой в череде подобных представлений была постановка гоголевского «Ревизора» силами самих писателей: 14 апреля по инициативе А. Писемского и П. Вейнберга в зале, вмещавшем почти 1100 зрителей, состоялся этот спектакль, в котором играли роли А. Писемский, Ф. Достоевский, И. Тургенев, А. Майков, Д. Григорович, А. Дружинин, А. Краевский, В. Курочкин⁶¹.

Литературные чтения и благотворительные спектакли стали не только постоянным источником доходов Литературного фонда, но, разумеется, важной частью культурной жизни — не только Петербурга и Москвы, а и значительного числа провинциальных городов, из которых в Общество вместе с выручкой поступали сообщения о большом общественном успехе этого нововведения⁶².

Всеобщий энтузиазм от успехов благотворительной деятельности Литературного фонда вскоре сменился у части общества и у властей настороженным отношением к его деятельности. Студенческие волнения осенью 1861 г. и высылка в Кронштадт большой группы студентов, а затем их освобождение в конце года повлекли за собой инициативу Н. Чернышевского и П. Лаврова о выдаче студентам пособия из Литературного фонда. Такое пособие в 1000 руб. было между ними распределено⁶³. И в течение 1862 г., несмотря на распространившуюся версию об участии студентов в майских пожарах, Литературный фонд продолжал оказывать им материальную помощь. Разумеется, об этом невозможно было информировать публику, заинтересованно относившуюся к конкретной деятельности Общества, — отчеты о деятельности Литературного фонда перестали появляться в печати. Это не могло «нравиться большинству публики и не возбуждать ее подозрительности или, по крайней мере, равнодушия и холодности. При теперешнем ее настроении публика даже обижается, когда встречается с тайною, которая ей не по сердцу», — писал от имени Ревизионной комиссии Литературного фонда К.Д. Кавелин⁶⁴. В результате доходы Общества к 1864 г. существенно сократились, и Фонд уже почти не мог выдавать просимых у него пособий.

Впрочем, спады и подъемы сопровождали деятельность Литературного фонда на всем ее протяжении. В иные периоды (1922–1933), как уже отмечалось в начале этой статьи, его деятельность прерывалась или, как в последнее десятилетие, структурно видоизменялась, а порой и деформировалась. С самых первых организационных шагов по учреждению в России Литературного фонда он мыслился как одна из форм объединения и взаимопомощи весьма значительной общественной группы, связанной профессиональными интересами. Многообразные перипетии истории России в иные периоды препятствовали такой консолидации. Новейшая история страны добавила новые нюансы в деятельность современного Литературного фонда. Однако он все-таки сохранился и продолжает оказывать материальную поддержку нуждающимся в ней писателям.

Примечания

- ¹ Систематические сведения о деятельности Литфонда собраны в следующих работах: *Репинский Г.К., Скабичевский А.М.* Летопись Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым с 1859 по 1884 г. // XXV лет. 1859–1884: Сборник, изданный Комитетом Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. СПб., 1884. С. 2–47; *Корнилов А.А.* Пятидесятилетие Литературного фонда: Общий очерк // L: Юбилейный сборник Литературного фонда. 1859–1909. [СПб., 1909]. С. 3–71. Отдельным периодом и эпизодом деятельности Литфонда посвящены работы: *Пантелеев Л.* Из истории первых лет существования Литературного фонда // L: Юбилейный сборник. С. 81–94; *Евгеньев-Максимов В.* 1) Эпизод из жизни Достоевского // День. 1916. № 99. С. 4; 2) Н.А. Некрасов и «братья-писатели» (по неизданным архивным материалам Литературного фонда) // Некрасовский сборник. Пг., 1918. С. 54–91; *Сажин В.Н.* Братство писателей (Н.А. Некрасов в Литфонде) // Звезда. 1971. № 10. С. 187–191; *Заборова Р.Б.* Из архивных разысканий о Н.А. Некрасове // Русская литература. 1973. № 4. С. 124–134; *Сажин В.Н.* К. Биезбардис и «Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым» (из истории латышско-русских культурных связей) // Известия АН Латвийской ССР. 1974. № 12 (329). С. 112–115; *Заборова Р.Б.* Достоевский и Литературный фонд // Русская литература. 1975. № 3. С. 158–170; *Сажин В.Н.* 1) Н.Г. Чернышевский в Литературном фонде (по архивным материалам) // Русская литература. 1975. № 3. С. 154–158; 2) Литературный фонд в годы революционной ситуации // «Эпоха Чернышевского»: Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. Сб. 7. М., 1978. С. 138–157. Архивы Литературного фонда с момента его основания и по 1970-е гг. находятся, соответственно, в следующих архивохранилищах: ОР РНБ. Ф. 438; РО ИРЛИ. Ф. 155; ЦГАЛИ СПб. Ф. 372. Архивы состоят из журналов заседаний Комитета Литфонда, в которых протоколированы обсуждавшиеся вопросы мотивированных прошений о пособиях с перечислением, подчас, литературных трудов просителей, докладных записок тех членов Литфонда, которым поручалось наводить справки об истинном положении просителей, распоряжений о выдаче пособий и расписок получателей.
- ² И.И. Льховский (1829–1867) — литературный критик, один из ближайших друзей Гончарова; Н.И. Кроль (1823–1871) — поэт, прозаик, драматург, шурин Г.А. Безбородко.
- ³ Большой любитель и знаток английской литературы, Дружинин имеет в виду существовавший еще с XVIII в. английский Литературный фонд, который он брал за образец для русского (об этом см. ниже).
- ⁴ *Дружинин А.В.* Повести. Дневник / Изд. подг. Б.Ф. Егоров, В.А. Жданов. М., 1986. С. 398, (Литературные памятники).
- ⁵ *Толстой Л.Н.* Собр. соч.: В 20 т. Т. 19. С. 173. По-видимому, Толстой имел в виду, что занятия благотворительностью являются прерогативой женщины и, следовательно, им и должна принадлежать главная роль в деятельности задуманного предприятия. Там же. С. 187.
- ⁶ *Егоров Б.Ф.* Проза Дружинина // *Дружинин А.В.* Повести. Дневник. С. 457.
- ⁷ *Дружинин А.В.* Повести. Дневник. С. 401.
- ⁸ *Н [Дружинин А.В.]*. Несколько предположений по устройству русского литературного фонда для пособия нуждающимся лицам ученого и литературного круга // Библиотека для чтения. 1857. Т. 146. Ноябрь. С. 1.
- ⁹ Там же. С. 4.
- ¹⁰ Т. Отвай (Отвей) (1652–1685) и Р. Севедж (1698–1743) — английские поэты.
- ¹¹ *Н [Дружинин А.В.]*. Несколько предположений по устройству русского литературного фонда. С. 4–5.
- ¹² *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1939–1953. Т. 4. С. 866–867.

- 14 Кроме «Современника», на статью Дружинина с некоторым запозданием отозвался «Сын отечества» (*Кушнерев И.* Несколько предположений касательно русского литературного фонда // Сын Отечества. 1858. № 18. С. 61), а осенью 1858 г. появилась анонимная (возможно, инициированная все тем же Дружининым) статья «Несколько предположений по устройству русского литературного фонда для пособия нуждающимся лицам ученого и литературного круга» (Санкт-Петербургские ведомости. 12 ноября 1858 г. № 266). Здесь и далее варианты наименования будущего общества отражают процесс работы над его формированием.
- 15 *Никитенко А.В.* Дневник: В 3 т. Л., 1955. Т. 2. С. 7.
- 16 Там же. С. 11.
- 17 Там же. С. 12. Это событие отметил также в своем дневнике Дружинин (*Дружинин А.В.* Письма. Дневник. С. 404).
- 18 Тургенев и круг «Современника». М.; Л., 1930. С. 212–214.
- 19 *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. М.; Л., 1961–1967. Письма: В 13 т. Т. 3. С. 233.
- 20 См.: *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Сочинения: В 15 т. Т. 14. С. 239–245.
- 21 Там же. С. 239.
- 22 РО ИРЛИ. 18. 519/СХХПб. Л. 4 (письмо не датировано). Цит. по: *Сажин В.Н.* Литературный фонд в годы революционной ситуации. С. 143.
- 23 Без ссылки на источник своих сведений составители юбилейного очерка истории Литфонда в качестве авторов устава указали К.Д. Кавелина и А.П. Заблоцкого-Десятовского: *Репинский Г.К., Скабичевский А.М.* Летопись общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым с 1859 по 1884 г. С. 1.
- 24 *Никитенко А.В.* Дневник. Т. 2. С. 61–62.
- 25 Устав Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. СПб., 1859. С. 3.
- 26 Там же. С. 4–6.
- 27 РО ИРЛИ. Ф. 7. Ед. хр. 28. Л. 8. Цит. по: *Сажин В.Н.* Литературный фонд в годы революционной ситуации. С. 145.
- 28 *Чуковский К.* Люди и книги 60-х годов. Л., 1934. С. 272.
- 29 Письмо сохранилось в писарской копии и содержит пропуски переписчика, которые обозначаем отточиями.
- 30 Н. Кукольник и В. Зотов фигурировали в качестве кандидатов в члены Общества в записке, представленной 21 октября 1859 г. А. Краевским (РО ИРЛИ. Ф. 119. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 5).
- 31 Н.И. Атрешков — редактор «Журнала общепользных сведений, или Библиотеки по части промышленности, сельского хозяйства и наук к ним относящихся, издаваемая под покровительством Имп. Экономического общества, корреспондентом оного Наркизом Атрешковым».
- 32 Н.Г. Писаревский — в эти годы редактор газеты «Русский инвалид».
- 33 РО РГБ. Ф. 120. П. 24. Л. 56–57.
- 34 Т. е. нравов (лат.).
- 35 *Никитенко А.В.* Дневник. С. 110.
- 36 Условие, без которого нет (лат.), т. е. неперемное условие, без выполнения которого Фет не согласен стать членом Общества.
- 37 Имеется в виду Антоний Пий (86–161) — основатель римской императорской династии Антонинов.
- 38 Письма к А.В. Дружинину. М., 1948. С. 343 (Летописи Государственного литературного музея).
- 39 *Никитенко А.В.* Дневник. С. 110.
- 40 ОР РНБ. Ф. 438. Ед. хр. 1. Л. 2.
- 41 Там же. Л. 22–22 об.

- 42 Для ориентации в реальной весомости денежных сумм, выдававшихся Литературным фондом, полезно представить себе стоимость жизни в Петербурге в 1860 г. В этом может помочь, например, расходная книжка некоего музыканта (его фамилия неизвестна), в которой зафиксированы цены на некоторые продукты и его ежемесячный и годовой бюджеты. Так, десяток яиц обходился ему в 25 коп., фунт паюсной икры — 55 коп., ½ фунта сыра — 14 коп., на обеды и ужины в месяц он тратил от 7 руб. 40 ½ коп. до 14 руб. 2 ½ коп. (летом больше денег уходило на фрукты и овощи); сапоги стоили 4 руб., слуге платилось ежемесячного жалованья от 5 до 7 руб.; общий годовой расход — 1590 руб. 98 ½ коп. (ОР РНБ. Новое собрание рукописных книг. Q 457).
- 43 Эту переписку см.: РО ИРЛИ. Ф. 115; ОР РНБ. Ф. 438. Ед. хр. 9, 13, 14, 18, 25.
- 44 ОР РНБ. Ф. 438. Ед. хр. 1. Л. 17 об.
- 45 Там же. Л. 60 об.
- 46 См.: *Заборова Р.* Новые материалы о М.В. Белинской // Литературное наследство. Т. 57 (III). М., 1951. С. 357–374.
- 47 См.: *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 628.
- 48 ОР РНБ. Ф. 438. Ед. хр. 1. Л. 15.
- 49 Там же. Л. 18.
- 50 [*Дружинин А.В.*]. По поводу последнего собрания членов Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым // Библиотека для чтения. 1860. Т. 158. № 2. С. 11–12.
- 51 Цит. по: *Репинский Г.К., Скабичевский А.М.* Летопись Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым с 1859 по 1884 г. С. 15.
- 52 ОР РНБ. Ф. 438. Ед. хр. 9. Л. 59.
- 53 Как нередко бывает в таких общественных организациях, не все члены Общества исправно платили членские взносы, тем не менее, общая их сумма достигла в первый отчетный год более чем 8000 руб.
- 54 С самого начала деятельности Общества осуществлять такие отчисления обязались издатели крупнейших журналов «Современник» (Некрасов и И. Панаев), «Библиотека для чтения» (Дружинин) и «Отечественные записки» (Краевский) (ОР РНБ. Ф. 438. Ед. хр. 1. Л. 7). В дальнейшем к ним присоединились и другие издатели журналов и газет.
- 55 Об этом в числе первых заявили крупнейшие петербургские издатели И. Глазунов, Д. Кожанчиков, И. Лисенков, торговый дом Г. Похитонова и Н. Водова (ОР РНБ. Ф. 438. Ед. хр. 1. Л. 7, 10–10 об.).
- 56 Там же. Ед. хр. 9. Л. 67, 107, 138, 233; Ед. хр. 11. Л. 47. Эти пожертвования «свыше» стали впредь традиционными. С 1863 г. усилиями А.В. Головина, утвержденного в конце 1862 г. министром народного просвещения, Обществу стали выделяться ежегодные суммы от этого министерства (Там же. Ф. 208. Ед. хр. 103. Л. 47–47 об.; Ед. хр. 105. Л. 155; Ед. хр. 106. Л. 115).
- 57 Там же. Ф. 438. Ед. хр. 9. Л. 62.
- 58 Там же. Ед. хр. 1. Л. 7 об.
- 59 Там же. Ед. хр. 9. Л. 10.
- 60 Развлечение. 1860. № 5. 30 января.
- 61 ОР РНБ. Ф. 438. Ед. хр. Л. 25; *Паптелеев Л.* Из истории первых лет существования Литературного фонда. С. 87–88.
- 62 В первые полтора года деятельности Литературного фонда литературные чтения и спектакли в его пользу происходили в Воронеже (ОР РНБ. Ф. 438. Ед. хр. 1. Л. 72 об.), Харькове (Там же. Л. 96), Тамбове (Там же. Л. 119–119 об.), Одессе (Там же. Ед. хр. 9. Л. 139), Симбирске (Там же. Ед. хр. 10. Л. 74), Вятке (Там же. Ед. хр. 9. Л. 375) и многих других городах.
- 63 Там же. Ед. хр. 11. Л. 15–17.
- 64 Санкт-Петербургские ведомости. 4 февраля 1862 г. № 43.